

Фрэнсис Томсон
и его «ключ»
к древней славянской
переводной
литературе

Francis Thomson
and his “Clavis”
to Ancient Slavic
Translated
Literature

**Дмитрий Михайлович
Буланин**

Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)
Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия

Dmitrii M. Bulanin

Institute of Russian Literature
(Pushkin House) of the Russian
Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia

Резюме

Статья посвящена научному наследию Фрэнсиса Томсона (1935–2021), выдающегося знатока славянской средневековой литературы, в особенности прославившегося изучением переводного раздела этой литературы. Обсуждаются фундаментальные источниковедческие и библиографические разыскания слависта, в процессе которых им установлены и описаны оригиналы сотен и даже тысяч переводных текстов на церковно-славянском языке. Они влились в письменность южных и восточных славян на протяжении IX — первой четверти XVIII в. Открытия Фрэнсиса Томсона нашли отражение и в его опубликованных статьях, которых насчитывается более полутора сотен и которые уже по достоинству оценены славистами, и в его

Цитирование: Буланин Д. М. Фрэнсис Томсон и его «ключ» к древней славянской переводной литературе // *Slověne*. 2022. Vol. 11, № 1. С.379–396.

Citation: Bulanin D. M. (2022) Francis Thomson and his “Clavis” to Ancient Slavic Translated Literature. *Slověne*, vol. 11, № 1, p. 379–396.

DOI: 10.31168/2305-6754.2022.11.1.16

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International

знаменитой «картотеке», о которой знали немногие — преимущественно по рассказам ее создателя. Она была задумана как «ключ» к репертуару славянской переводной литературы, но по богатству заключенной там информации вышла далеко за пределы первоначального назначения. Исследователь пополнял свою рукописную «картотеку» на протяжении пятидесяти лет, и среди специалистов она превратилась в легенду еще при его жизни. В настоящее время это главное детище ученого находится в Католическом университете Лёвена (Лувена), где готовится ее сетевая публикация. Можно сказать без преувеличения, что дальнейшее изучение переводной литературы средневековых славян немислимо без учета трудов Фрэнсиса Томсона.

Ключевые слова

перевод, источниковедение, библиография, церковнославянский язык, картотека, энциклопедия, компиляция, идентификация

Abstract

The article deals with the academic legacy of Francis Thomson (1935–2021), an outstanding connoisseur of Medieval Slavic literature, who especially distinguished himself in the study of the translated section of this literature. The article also discusses the fundamental academic's source studies and bibliographic studies, in the course of which he established and described the originals of hundreds and even thousands of translated texts that exist in Church Slavonic. These texts entered the bulk of literature accumulated by South and East Slavs in the period between the 9th and the first quarter of the 18th century. The discoveries of Francis Thomson are first of all reflected in his articles, of which more than one and a half hundred are published, and which are already highly appreciated in Slavistics. His discoveries are also fixed in his famous "cartotheca," of which little was known, mainly from the words of its creator. This project was conceived first as a "clavis" to the repertoire of Slavic translated literature, but taking into account the rich information contained therein, we can state that it went far beyond its original purpose. The author of the handwritten "cartotheca" worked on it for fifty years, and, already during his lifetime, it turned into a kind of a legend among specialists. Currently, this opus magnum of the researcher is located at the Catholic University of Leuven (Louvain), where its net publication is being prepared. It can be said without exaggeration that further study of the translated literature of the medieval Slavs is unthinkable without taking into account the work of Francis Thomson.

Keywords

Translation, source study, bibliography, Church Slavonic, card index (cartotheca), encyclopedia, compilation, identification

Фрэнсиса Томсона не стало 21 мая 2021 г., и каждый, кто занимается профессионально палеославистикой, понимает, что для нее это невосполнимая утрата. На кончину выдающегося филолога написано уже немало проникновенных откликов¹. Расставаться с крупным ученым всегда горестно, но расставание дает повод по возможности беспристрастно оценить вклад почившего в историко-филологическую науку. Таков смысл предлагаемых здесь размышлений, которые не уместаются в жанр некролога. Вопрос

о жанре имеет в данном случае принципиальное значение, потому что позволяет обойтись без ритуальной апологетики (*de mortuis aut bene aut nihil*). Томсон был слишком нестандартной личностью, чтобы его можно было характеризовать несколькими дежурными формулами. Приняв данный ему автором этих строк титул «мифоборца» (*μυθαγωνιστής*) [Буланин 2000], он сам стал в славистике объектом мифотворчества. Сложившийся поначалу утрированный образ *enfant terrible* ныне под пером панегиристов трансформировался в столь же далекий от действительности образ чуждого страстей мудреца. Прототип безусловно заслуживает того, чтобы о нем сказано было в более реалистической манере и чтобы в центр обсуждения вынесен был главный в жизни ученого труд.

Нетипичным для академической карьеры стал уже дебют Томсона в 1978 г. в амплуа слависта-древника, о котором прежде никто не слышал, ибо он к тому времени успел обнаружить свои интересы лишь в нескольких коротких рецензиях. Теперь же перед изумленной публикой, собравшейся на съезде славистов, вдруг предстал строгий критик русских литературных древностей [Thomson 1978]. В присущей ему резкой манере докладчик огласил свое окончательное и бесповоротное *credo* по поводу древнерусского наследия, которое сложилось у него в процессе изучения переводов, обращавшихся на Руси в первые три века после ее крещения. Содержание этого «исповедания веры» сводится вкратце к следующему: мало того, что фонд древнерусской письменности

¹ Помимо извещений о кончине, строго держащихся этикета, вышла в свет и весьма содержательная статья, где приведены малоизвестные подробности биографии Ф. Томсона и изложены планы назначенных им «академических наследников» по обработке и электронной публикации его картотеки. См.: [Sels 2021].

укладывается без остатка в репертуар библиотеки греческого монастыря (об этом писали и до Томсона). Русская средневековая культура в целом представляла собой предельно обедненный и упрощенный вариант той, что сложилась в среде византийского монашества. Оторванная от античных корней, питавших христианство Востока и Запада, Древняя Русь не дала миру философов и богословов, сопоставимых с Ансельмом Кентерберийским, Пьером Абеляром и др. Причина ее духовного убожества кроется не в монгольском нашествии, а в консервативности православной церкви, скованной по рукам церковно-славянским языком, который по самой своей природе создавал препятствия для взаимодействия с другими культурами, в особенности с византийской. Это печальное положение вещей, по Томсону, усугублялось отсутствием людей, знающих греческий язык. Более поздние статьи и высказывания Томсона по общим проблемам, касающимся сравнительных достоинств древнерусской, а отчасти и других культур православных славян, добавили немного нового к его первому «исповеданию веры»: свои умозаключения ученый распространил на русскую литературу вплоть до конца XVII в. и, как ему думалось, привел неоспоримые доказательства того, что на Руси не могли читать по-гречески; что, соответственно, нелепо говорить о каких-либо восточнославянских переводах с греческого; что, наконец, из-за нагромождения в них всевозможных ошибок, сами переводы были в большинстве своем непонятны читателям.

Коллеги, ошеломленные столь категорическими и безапелляционными суждениями, измеряющими любые культуры одним аршином, принялись было устно и письменно спорить с Томсоном. Благо слабых мест в его аргументации хватало на всех оппонентов. Со временем, однако, стало очевидным, что нигилистические тезисы, переходившие в неизменном виде из одной работы автора в другую, суть субъективная аксиоматика — не столько продукты научного анализа, сколько догматы веры. Догматы не поддаются логической коррекции, а потому полемика с их адептом малопродуктивна. Никто, войдя в церковь, не будет громогласно объявлять, что Бога нет. К тому же, по истечении какого-то срока, выяснилось, что за бросающимися в глаза полемическими эскападами ученого скрывается весьма условно с ними связанная титаническая работа по систематизации древней славянской переводной литературы. Работа воплотилась в знаменитой «картотеке» Томсона (таким греко-славянским термином он сам ее именовал), которая, в свою очередь, обросла мифами, вероятно потому, что составитель мало кого к ней подпускал. Но прежде чем обсуждать картотеку, следует покончить с «теоретическими» построениями ее создателя, если их можно так назвать. Есть мнение, что провокационные высказывания и

выводы Томсона представляют собой лишь одну из форм розыгрыша, к которому наш герой и правда имел склонность. Достаточно вспомнить его самоаттестацию в качестве скромного учителя английского языка, браваду национальными привычками шотландцев², автоцитаты со ссылками на вымышленные авторитеты — Слободана Фомича или Елевферия Шотландца (Scot) — и др.³ Уверен тем не менее, что намерение исследователя выстроить раз и навсегда ценностную иерархию средневековых культур, поставив древнерусскую на нижнюю ступень такой иерархии, было вполне серьезным. Уверенность зиждется не только на многократных спорах с героем этого очерка tête-à-tête. Чем, если не намерением указать каждому на его место на лестнице духовных свершений, объяснить, что единственную свою книгу (сборник статей) Томсон посвятил проблемам не вообще славянской, а именно русской культуры [Thomson 1999]. Могу только предположить, что какое-то предубеждение против русского извода православия выработалось у него в процессе подготовки диссертации, посвященной экуменической миссии Вильяма Палмера, не нашедшей тогда понимания у синодального духовенства. Не случайно первыми печатными работами начинающего специалиста стали пространная статья об икономии по учению православной церкви [Thomson 1965] и отклики на книги, посвященные антирелигиозным кампаниям в СССР. Постепенно в процессе славистических разысканий, касающихся средневековой письменности, Томсон вывел для себя правило, согласно которому ранг писателя, как школяра, он определял по уровню познаний того в греческом языке. Понятно, что на этой шкале южнославянские книжники неизменно давали фору восточнославянским.

Как бы то ни было, научную деятельность Томсона можно считать любопытным примером того, что стойкая презумпция неполноценности в отношении предмета исследований не мешает замечательным достижениям в изучении этого предмета. Все объясняется тем, что многосторонние способности и энциклопедические знания ученого вполне воплотились не в спорных «теоретических» выкладках, а на эмпирическом уровне — в собранном им огромном фактическом материале [Franklin 2001]. Томсон был неутомимым источниковедом и библиографом, и читатели уже первого его выступления на съезде славистов не могли не заметить полноты сопровождавшего текст самого выступления справочного аппарата — полноты, для такой программной статьи,

² При этом в архиве Томсона сохранилась рукопись почти завершенной ученым книги о шотландцах в России, книги, которую он писал в течение многих лет [Sels 2021: 131].

³ Другие примеры см.: [Marti 2018].

пожалуй, даже чрезмерной. Дисбаланс между текстом исследования и примечаниями к нему станет отличительной чертой всех последующих его статей, что объясняется не только барочными вкусами автора, но и производным характером этих статей от любимого детища исследователя — его рукописной картотеки, его *opus magnum*. О том, что из себя представляет данный опус, поведал сам его творец на начальном этапе реализации проекта, а если точнее — через семь лет после зарождения идеи этого проекта и первых шагов, сделанных для претворения идеи в жизнь. Идея заключалась в том, чтобы создать путеводитель (*guide*) по корпусу славянских переводов с греческого языка, появившихся в промежутке времени от изобретения письменности Кириллом Философом до конца XIV в. [Thomson 1980]. Актуальность темы была ясна всем, поскольку переводы, с одной стороны, занимали основное место в славянском литературном наследии, с другой стороны, оставались наименее изученным его разделом. Для зарубежного слависта, такого как Томсон, серьезным препятствием на пути к материализации идеи являлась недостигаемость первичных источников — рукописей. Приходилось довольствоваться лишь описаниями рукописей, в основной своей массе неполными и устаревшими, да малочисленными изданиями переводных памятников. Значительные массивы рукописей, особенно древнерусских, оставались (и остаются) вообще неописанными, иногда даже не удостоившимися инвентаризации. Данная ситуация не смутила каталогизатора, справедливо рассудившего, что по необходимости неполный путеводитель будет лучше, нежели отсутствие какого бы то ни было, и работа закипела. По установленному Томсоном для себя плану, начинать нужно было с картотеки, куда были бы занесены все опознанные переводы, сведения о списках каждого из них, где был бы указан греческий оригинал перевода и важнейшая научная литература о переводе, а при необходимости — и о его греческом аналоге. При этом учитывались как переводы, выполненные на славянском юге, так и те, которые кое-кто из историков и филологов признавал восточнославянскими (по Томсону, в установленных хронологических границах последних не существовало как класса). Так зародилась легендарная картотека; вошедшие в нее переводы составитель распределил по нескольким рубрикам: библейские книги, апокрифы, агиография, литургика, право, писания отдельных авторов (включая тексты из других рубрик, если сохранились сведения о составителях этих текстов), анонимные произведения, сборники. Отчитываясь о проделанной за семь лет работе, Томсон сообщал, что в картотеку вошло уже примерно три тысячи переводов. С той поры она разрослась неимоверно. Вплоть до весьма преклонного возраста, пока ему позволяло состояние здоровья,

ученый дополнял свою картотеку, стараясь идти нога в ногу с развитием славистики.

В проспекте 1980 г., раскрывая свой амбициозный план, Томсон прямо указал на те справочные книги и обобщающие пособия по греческой патристике и византийской литературе, которые увидели свет в недалеком прошлом, отвечали современным научным требованиям и на которые имел возможность опираться исследователь, приступая к поиску источников славянской переводной письменности. Таковы общеизвестные труды Г. Бека, Г. Хунгера, М. Геерарда. Особенное значение имел для Томсона составленный последним из названных корифеев «*Clavis Patrum Graecorum*», ставший для героя нашего очерка не только инструментом, позволившим подобрать греческие параллели ко многим переводам, но и структурным образцом, на который он поначалу проецировал собственный замысел, не называя его, впрочем, «ключом». А не называл, как видно, потому, что уже на той ранней стадии разработки, которая описана в проспекте, проект Томсона значительно превосходил по своему заданию справочник Геерарда. Как явствует из двух приложенных к проспекту примеров с описаниями переводов («Синагога 50 титулов» и «Златоуст Ягича»), каждое описание мыслилось в виде полноценной энциклопедической статьи, с лаконичной, но разносторонней характеристикой соответствующего объекта, включая его сравнение с исходным греческим текстом, сведения о его композиции, языковых приметах, переводческой технике, рукописной истории, а также с полной библиографией. Причина, по которой ученому пришлось отступить от эталона, каким ему виделся на старте «ключ» к греческой патристике, лежит на поверхности: несопоставима с освоением славянского наследия была степень изученности предмета. Сбор материала в виде картотеки мог продолжаться бесконечно, он и шел своим чередом, но для конечного результата отступление от эталона стало фатальным. Достаточно познакомиться с теми двумя опубликованными образчиками из будущего путеводителя Томсона, которые мы назвали, чтобы прийти к неутешительному выводу относительно перспектив замысла: одному человеку не под силу подготовить справочник с подобным размахом, даже при заданных хронологических и тематических ограничениях. Тем временем неутомимому библиографу стало уже самому тесно в им же установленных рамках, и Томсон расширил круг предметов, подлежащих учету. Теперь принимались во внимание все переводы, осуществленные вплоть до окончания петровской эпохи, и они включались в картотеку независимо от того, с какого языка были сделаны. Картотека от такой экспансии только выиграла, но надежды на издание путеводителя можно было похоронить, что понял однажды

и сам автор проекта. Договор, который он подписал с издательством «Brepols» (тем, что выпустило серию Геерарда) на справочник «Clavis Slavica» в четырех томах, так и остался на бумаге.

Если не считать научных статей Томсона, к которым мы сейчас обратимся, единственным опубликованным печатным продуктом, позволяющим составить приблизительное представление о содержании несбывшегося издания «ключа», является подготовленный им за несколько лет до смерти «контрольный список» (checklist) славянских переводов. Список базируется на материалах картотеки. Он состоит из одних только заглавий (подлинных или данных составителем) переводных произведений, авторских и анонимных, разделен на условные хронологические периоды, доведен до 1739 г. и включает около 1950 названий [Thomson 2018]. Эти произведения описаны в картотеке на «больших карточках», на которые ученый положил для себя помещать одни сколько-нибудь изученные (in some detail) переводы. Прочие переводы, которые оставались на «маленьких карточках», ждали своего часа; кроме того, изъяты были из опубликованного списка названия библейских и литургических переводных памятников, а также переведенный на церковнославянский язык актовый материал (например, документы Афона). Конкретной информации из списка специалист извлечет немного. Все же некоторые вещи понятны. Понятно, в частности, что компиляции расчлняются в контрольном списке на образующие их исходные тексты. Правда, выводы каждый раз делаются разные: иногда попавший в компиляцию фрагмент из постороннего памятника дает основание считать, что имелся и полный перевод этого памятника, иногда такой памятник указан в списке отдельной строкой, но с пометой, что он известен только в виде фрагмента. Не исключено, конечно, что на соответствующих карточках такая дифференциация как-то мотивирована, потому что для изучающего перевод это одна из важнейших его характеристик. И простого решения иногда не существует. Вообще же контрольный список сродни рекламе, интригующей читателя по поводу содержания недоступной ему картотеки.

Есть, однако, надежда, что в обозримом будущем картотекой смогут пользоваться все, кого интересует средневековая славянская письменность. Как можно узнать из статьи Л. Селс (см. примеч. 1), во исполнение завещания ученого знаменитая картотека в полном ее объеме⁴, какого она достигла за пятьдесят лет работы библиографа, была передана в Католический университет Лёвена (Лувена). В настоящее время на средства нескольких фондов производится оцифровка библиографических карточек, сопровождающаяся в необходимых случаях их

⁴ Более шестидесяти ящиков для карточек, около ста тысяч карточек.

дополнительной систематизацией. По завершении этой работы планируется открыть свободный доступ к картотеке через сеть, для чего уже сейчас на сайте Католического университета создана специальная страница, отведенная наследию Фрэнсиса Томсона (<https://www.arts.kuleuven.be/grieks/thomson>). Более того: как автору статьи любезно сообщила госпожа Лара Селс, в Славистическом институте Инсбрука планируют, взяв за точку отсчета собранный в картотеке материал, пополнять его сведениями о новых изданиях и новых исследованиях, касающихся славянской переводной литературы.

Все эти хлопоты, связанные с обнаружением неопубликованного наследия Томсона, свидетельствуют о понимании того, сколь значим его вклад в науку о письменных древностях православных славян. На чем же основано такое понимание, коль скоро до недавнего времени мало кто видел картотеку? Основание есть: Томсон не удовлетворился поиском источников и регистрацией в картотеке связанной с каждым из переводов научной литературы. У него, как выясняется, было легкое перо, так что список печатных работ заслуженного слависта (притом список, прошедший цензуру автора, изъявшего оттуда свои писания, которые он счел неакадемическими) насчитывает более полутора сотен названий [Bibliography 2018]. Наибольшее значение среди них имеют фундаментальные источниковедческие исследования, написанные по материалам картотеки, хотя среди тенденциозных рассуждений составителя картотеки на общекультурные темы заинтересованный читатель тоже отыщет меткие наблюдения и важные ссылки на рукописи, статьи и книги. Не будет преувеличением сказать, что дальнейшее изучение славянских переводов немислимо без учета сделанного Томсоном. Чем же обусловлен его успех, помимо безусловно присущих ученому врожденных способностей и благоприобретенной эрудиции? Тем, прежде всего, что в абсолютном большинстве случаев он осваивал никем не тронутую целину. Авторы историко-филологических статей часто гордятся крупными новыми сведениями, Томсон засыпал в каждую из своих работ по целой пригоршне фактов, впервые делавшихся через него достоянием печати. Картотека служила ему при этом неизменным помощником, и нетрудно заметить, что типичные статьи исследователя представляют собой, в сущности, экстракты из разных отделов картотеки. Иногда статья охватывает набор произведений, объединенных именем древнехристианского или византийского писателя и богослова (Григорий Богослов, Григорий Нисский, Симеон Новый Богослов, и др.) [Thomson 1983; Thomson 2003; Thomson 2014], иногда — это памятки, сведенные в самостоятельный сборник в оригинале или в переводе («Златоструй», Изборник Симеона-Святослава, и др.) [Thomson 1982;

Thomson 2007], иногда — родственные по какому-то другому признаку памятники (например, жития, признаваемые переводами с латинского языка [Thomson 1983a]). Но чаще всего берется к рассмотрению одна, особенно значимая статья из фонда древних переводов, а уже к ее обсуждению подтягивается связанный с историей этой статьи материал. Во всех подобных случаях самым важным моментом является идентификация отдельно взятого славянского текста с его источником в греческой традиции или с близким греческим аналогом. Славой своей наш герой обязан преимущественно совокупности уравнений такого рода.

Объясняя достижения Томсона на данной стезе, нужно учитывать два фактора. Первый связан с уровнем развития палеославистики, которая остается очень молодой наукой, отстающей от той же византистики на четыреста или даже на пятьсот лет. В этом причина, по которой в описаниях славянских рукописей (пожалуй, за исключением знаменитого «Описания славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки») не стало правилом указывать, где это возможно, источники переводных статей. Своей работой составитель картотеки и написанных по ее данным статей фактически завершил то, чего не доделали авторы описаний, которые работали на заре славистических штудий и еще только наскоро разбирали доставшиеся им от предков рукописные богатства. Правда и то, что за последнее столетие намного продвинулась вперед еще и публикация и систематизация отеческих и византийских творений. Томсон имел прекрасные возможности, чтобы, в отличие от своих коллег в Восточной Европе, к которым западные издания попадали от случая к случаю, следить за новейшими достижениями в богословских и историко-филологических науках (не зря он каждую неделю посещал Société des Bollandistes, консультируя отцов-болландистов по славистическим вопросам и работая в их библиотеке). Таков второй фактор, способствовавший успеху его предприятия по сличению переводов с фондом греческих источников, фактор, в какой-то мере компенсировавший трудности, обусловленные несовершенством все тех же описаний славянских рукописей [Милтенев 2015].

Позволим себе в этой связи заглянуть на минуту в творческую лабораторию составителя картотеки. Поскольку свериться с подлинными манускриптами у него не было шанса, очень часто он вынужден был судить о содержании каких-то статей только по их названиям и начальным словам, которые сочли нужным воспроизвести те самые несовершенные описания. Зная, с одной стороны, об ограниченности славянского материала, каким мог пользоваться ученый, с другой стороны — его высокие требования к библиографической точности, мы не ошибемся, ожидая, что в картотеке (на маленьких карточках)

находится обширный пласт отождествлений, в которых автор не был уверен и предпочел не сообщать о них в печати. Пишу не без оснований, потому что пару раз мне довелось самому развеять сомнения автора по поводу отождествлений, которые числились у него как «*dubia*» из-за невозможности проверить их по рукописям. Вероятно, такие отождествления-«*dubia*» станут, после сетевой публикации картотеки, главным трофеем ныне здравствующих славистов, — тех, кто, в отличие от составителя, сможет воспользоваться данными рукописных источников. Подобрать редкий греческий оригинал к редкому славянскому тексту — большая удача. Единожды произведенная идентификация сразу многое проясняет в памятнике для исследователя и ведет его к новым научным открытиям. Прежде всего, уточняется смысл не всегда вразумительного перевода. Отыскав источник, историк вправе рассуждать о критериях, по которым был выбран оригинал, он может описать язык перевода, переводческую технику, и т. д. Обычно Томсон сам не пренебрегал открывающимися в результате идентификации отдельного текста перспективами, поскольку это было в его силах, т. е. поскольку это касалось статуса иноязычного источника. Так, он неизменно указывал редакцию или вариант греческого текста (если таковые существовали), которые ближе всего подходят к славянской версии текста. Что касается судьбы какого-то перевода на славянской почве — обязанность проследить его перипетии по рукописям лежит, конечно, на тех, кто имеет возможность к этим рукописям обращаться. Сказанное относится к тем открытиям нашего слависта, которые объявлены уже в его печатных работах. Но нет сомнений, что и картотека, когда ее карточки сможет перебрать каждый, помимо указаний на неизвестные ранее источники каких-то переводов, даст толчок для более углубленной интерпретации этих переводов, для реконструкции предыстории и истории их текста.

Воздержимся все же от того, чтобы продуцировать мифы и связывать с будущей публикацией несбыточные надежды, пробужденные той атмосферой таинственности, какой был окутан труд Томсона — не без участия автора. Пока академическая общественность готовится получить доступ к картотеке, есть время задуматься не только о том, что она подарит изучающим переводную славянскую письменность, но и о тех аспектах письменности, которые заведомо не будут отражены ни на больших, ни на маленьких карточках. Об этом сужу не только по личным впечатлениям, но и по самому содержанию замысла. Как мы помним, картотека задумана была в качестве ресурса для будущего «ключа», который — если вообразить на минуту, что он был бы опубликован, и если экстраполировать на него жанр архетипа, т. е. «*Clavis Patrum Graecorum*» — стал бы разновидностью энциклопедического

справочника. Между тем энциклопедия как продукт постренессансной культуры по своим конститутивным качествам во многом деформирует картину описываемой средневековой литературы. Достоинства какой-то энциклопедии нимало не отменяют этого деформирующего эффекта. Эффект особенно заметен, когда материалом для энциклопедических статей служат факты из истории древних славянских литератур, как автору этого очерка однажды довелось показать на примере трех превосходных справочников, посвященных книжному наследию Древней Руси XI–XIII вв. [Буланин 2010: 52–57]. Сделанные тогда выводы можно смело распространить и на новые руководства энциклопедического типа, скажем, на «Каталог памятников древнерусской письменности XI–XIV вв.» [Буланин 2014].

Дело в том, что в энциклопедиях, а значит, и в ориентированной на энциклопедический жанр картотеке Томсона, литература выступает как некое множество обособленных друг от друга авторов и их сочинений. Между тем, будучи производным от религии феноменом, средневековая литература последовательно пренебрегала их различительными чертами и наоборот — акцентировала их общие свойства. Отсюда — непреодолимые препятствия для раздельной их дефиниции и объяснения. Руководствуясь внелитературными принципами и ориентируясь только лишь на конфессиональные приоритеты, средневековая литература выстраивала и авторов, и их сочинения в собственную иерархию, в пределах которой релятивизируются понятия, используемые для описания словесности индивидуалистического типа. Нельзя без оговорок прибегнуть к таким привычным терминам, как проза, жанр, пародия, вымысел, цитата, стилизация и многие другие. Происходит замена базовых представлений о литературной продукции. Субститутом писателя выступает книжник, совмещающий в себе функции копииста и сочинителя; на месте литературы в современном ее понимании находится духовная письменность, преимущественно безымянная, с лимитированным религиозными запросами ассортиментом тем и жанров, со стертými локальными и хронологическими признаками, письменность, внутри которой повышенная статичность или, напротив, динамичность отдельных единиц текста зависит не от эстетических, а исключительно от конфессиональных факторов. Разнести подобное явление по словнику будущей энциклопедии — то же, что разъять живую ткань на составляющие ее клетки. Реанимировать умерщвленное целое из добытых оттуда элементов будет уже невозможно.

Главное — в значительной своей части эта письменность недостаточно структурирована, чтобы ее элементы можно было описать порознь в жанре энциклопедии. Образующие эту письменность формы

легко перетекают друг в друга. В числе остального общая аморфность материи — что уже прямо касается предмета нашего обсуждения — смазывает разграничительную линию между собственно славянским и переводным отделами литературы. Переводные тексты сплошь и рядом лишь насильственным образом можно обособить от автохтонных. Размыта и четкость категорий, которыми приходится оперировать слависту, занимающемуся переводами: условной оказывается разница между переводами и компиляциями, переводами и переработками, новыми переводами и вариантами старых, редакциями и тщательными копиями, корректными и ошибочными чтениями и др. За примерами, когда в компиляцию из греческих источников внедряется оригинальный фрагмент, не нужно далеко ходить. Тут и сборники большого объема, вроде «Шестоднева» Иоанна Экзарха или «Учительного Евангелия» Константина Преславского. Тут и отдельные статьи, греко-славянские гибриды, точнее, циклы статей, сходных по содержанию и связанных между собой общими фрагментами, допустим, «Слова о книжном почитании» или «Поучения о казнях Божиих», развитие которых началось в X в. и продолжалось до конца средневековой эпохи. Предмет слишком неустойчив для однозначной характеристики, в «ключ» к переводам он входит одним боком, что означает и однобокость его понимания. Не столь уже редки случаи, когда славянская стихия в некотором смысле вытесняет из текста переводной субстрат, как это происходит в веренице «изборников», которые лучше всего известны по русской копии одного из них — той, что датируется 1076 г. Вольное отношение переписчиков к исходному переводу в компиляциях такого типа не позволяет установить вертикальную зависимость между редакциями, а однообразие тематики при относительной устойчивости греко-славянских лексических соответствий не дает возможности отличить переработку старого перевода от перевода нового. С подобной трудностью ученый сталкивается, когда, например, восстанавливает многоэтапную рецепцию славянской письменностью «Андриантов» Иоанна Златоуста или «Глав о любви» Максима Исповедника [Буланин 2014а; Дунаев 2021]. Не столь прямолинейно, как предлагает Томсон, решается и вопрос о тех чтениях в славянских переводах, которые он (вслед за иными из своих предшественников) размещает в бинарной оппозиции, т. е. правильные vs ошибочные [Thomson 1988; Idem 1991]. Реальность богаче черно-белых схем, она требует объяснений, а не приговоров. Стоит, например, вспомнить, что на протяжении всей истории славянской средневековой письменности для книжников сохраняла свое значение доктрина пословного перевода, которая была предопределена сакральностью переводимого текста и создавала благоприятные условия для

передачи каждой лексической единицы в изоляции от ее окружения [Буланин 1995: 25–37].

Нет необходимости обсуждать другие аспекты истории литературы, включающей, естественно, переводную литературу как доминирующий в общем ее объеме раздел, аспекты, освещение которых не предусмотрено жанром энциклопедических статей (или, как в случае с картотекой, материалами для будущих статей). Как бы ни был велик научный подвиг Томсона, ученый всегда действовал в пределах здравого смысла. Он никогда не обещал ответить с помощью своего детища на все вопросы, которые могут зародиться в голове у историка, занимающегося славянским средневековьем, и даже на все вопросы, связанные с изучением переводов. «Ключ» к древней славянской переводной литературе, как любой ключ, подходит только к тем замкам, для которых он предназначен. Умерить эйфорию по поводу картотеки автор этих строк счел необходимым, потому что по ряду причин в современной историко-филологической науке (и не только в ней) энциклопедические справочники обрели неслыханную репродуктивную способность и заняли место не по чину [Буланин 2014б]. Культ энциклопедий породил веру в то, что, подобрав нужную комбинацию из находящихся в такой универсальной книге статей, пользователь гарантированно извлечет из них любую истину в последней инстанции. Важно понимать, что, по крайней мере, для славянской средневековой письменности таких гарантий не даст никакая энциклопедия, включая картотеку Томсона. Смее думать, что в статье о никогда не шедшем на компромиссы «мифоборце» вполне допустимы и уместны несколько «демифологизирующих» замечаний о жанре энциклопедического справочника, к которому тяготел «мифоборец», и они не порождают когнитивного диссонанса. При этом ни на минуту не сомневаюсь в том, что научное наследие неутомимого исследователя литературных древностей, каким все запомнили Фрэнсиса Томсона, навсегда останется в анналах славистики как одна из важнейших страниц в ее развитии. Это относится и к его печатным трудам, и к не доведенному до печати «ключу», ставшему легендой уже при жизни слависта.

Библиография

Буланин 1995

Буланин Д. М., Древняя Русь, *История русской переводной художественной литературы: Древняя Русь. XVIII век, 1: Проза* (= Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Reihe A: Slavistische Forschungen. N. F., 13/73), С.-Петербург, Köln, Weimar, Wien, 1995, 17–73.

— 2000

Буланин Д. М., Мифы о Григории Цамблаке и мифоборчество Ф. Томсона, *Русская литература*, 2, 2000, 211–216.

——— 2010

Буланин Д. М., *Традиции и новации в интерпретации русской письменной культуры первых веков: Заметки к переводу книги С. Франклина «Письменность, общество и культура в Древней Руси (около 950–1300 гг.)»*, С.-Петербург, 2010.

——— 2014

Буланин Д. М., ред., *Каталог памятников древнерусской письменности XI–XIV вв.: (Рукописные книги)*, С.-Петербург, 2014.

——— 2014a

Буланин Д. М., Текстологические и библиографические арабески. 5: «Андрианты» в старшем славянском переводе, *Каталог памятников древнерусской письменности XI–XIV вв.: (Рукописные книги)*, С.-Петербург, 2014, 489–510.

——— 2014б

Буланин Д. М., «Каталог памятников древнерусской письменности XI–XIV вв.» и энциклопедические труды О. В. Творогова, *Каталог памятников древнерусской письменности XI–XIV вв.: (Рукописные книги)*, С.-Петербург, 2014, 915–935.

Дунаев 2021

Дунаев А. Г., Из истории переводов «Глав о любви» преподобного Максима Исповедника на церковнославянский и русский языки, *Вестник Свято-Филаретовского института*, 38, 2021, 49–102.

Милтенов 2015

Милтенов Я., Научните приноси на професор Франсис Томсън в светлината на методологическите проблеми пред палеославистиката, *Старобългарска литература*, 52, 2015, 11–23.

Bibliography 2018

Bibliography of Francis J. Thomson from 1965 to 2016, *Editing Mediaeval Texts from a Different Angle: Slavonic and Multilingual Traditions. Together with Francis J. Thomson's Bibliography and Checklist of Slavonic Translations* (= *Orientalia Lovaniensia Analecta*, 276: Bibliothèque de "Byzantion", 19), Leuven, Paris, Bristol, CT, 2018, 19–42.

Franklin 2001

Franklin S., По поводу «интеллектуального молчания» Древней Руси, *Russia Mediaevalis*, 10/1, 2001, 263–270.

Marti 2018

Marti R., Fact and Fiction: On Historiography, Historiographic Topoi, Myths and Enigmatic Readings in a hitherto Unknown Vita, *Editing Mediaeval Texts from a Different Angle: Slavonic and Multilingual Traditions. Together with Francis J. Thomson's Bibliography and Checklist of Slavonic Translations* (= *Orientalia Lovaniensia Analecta*, 276: Bibliothèque de "Byzantion", 19), Leuven, Paris, Bristol, CT, 2018, 3–18.

Sels 2021

Sels L., Francis J. Thomson (24.11.1935–21.05.2021): His Life, Work, and Legacy, *Palaebulgarica = Старобългаристика*, 45/4, 2021, 125–136.

Thomson 1965

Thomson F., Economy: An Examination of the Various Theories of Economy Held within the Orthodox Church, with Special Reference to the Economical Recognition of the Validity of Non-Orthodox Sacraments, *Journal of Theological Studies*, N. S., 16/2, 1965, 368–420.

——— 1978

Thomson F., The Nature of the Reception of Christian Byzantine Culture in Russia in the Tenth to Thirteenth Centuries and Its Implications for Russian Culture, *Slavica Gandensia*, 5, 1978, 107–139.

——— 1980

Thomson F., A Guide to Slavonic Translations from Greek down to the End of the Fourteenth Century, *Paléographie et diplomatique slaves: Rapports et communications du séminaire de paléographie et diplomatique slaves, septembre 1979, Sofia* (= *Balkanica*, 3: Etudes et documents, 1), Sofia, 1980, 27–37.

——— 1982

Thomson F., Chrysostomica Palaeoslavica: A Preliminary Study of the Sources of the Chrysorrhoas (Zlatostruy) Collection, *Cyrrillomethodianum*, 6, 1982, 1–65.

——— 1983

Thomson F., The Works of St. Gregory of Nazianzus in Slavonic, 2, *Symposium Nazianzenum, Louvain-la-Neuve, 25–28 août 1981: Actes du Colloque International* (= *Studien zur Geschichte und Kultur des Altertums*. N. F. Reihe 2: Forschungen zu Gregor von Nazianz, 2), Paderborn, München, Wien, Zürich, 1983, 119–125.

——— 1983a

Thomson F., A Survey of the Vitae Allegedly Translated from Latin into Slavonic in Bohemia in the Tenth and Eleventh Centuries, *Atti dell'8° Congresso Internazionale di studi sull'Alto Medioevo*, Spoleto, 1983, 331–348.

——— 1988

Thomson F., Towards a Typology of Errors in Slavonic Translations, *Christianity among the Slavs. The Heritage of Saints Cyril and Methodius: Acts of the International Congress held on the Eleventh Centenary of the Death of St. Methodius. Rome, October 8–11, 1985* (= *Orientalia Christiana Analecta*, 231), Roma, 1988, 351–380.

——— 1991

Thomson F., John the Exarch's Theological Education and Proficiency in Greek as Revealed by his Abridged Translation of John of Damascus' "De fide orthodoxa", *Palaeobulgarica = Старобългаристика*, 15/1, 1991, 35–58.

——— 1999

Thomson F., *The Reception of Byzantine Culture in Mediaeval Russia*, Farnborough, 1999.

——— 2003

Thomson F., The Works by or Ascribed to Gregory of Nyssa in the Hilandar Monastery Slavic Manuscript Collection together with a Few Remarks on the Slav Reception of Christianity, *Monastic Traditions: Selected Proceedings of the Fourth International Hilandar Conference (The Ohio State University, 14–15 August 1998)*, Bloomington, Indiana, 2003, 342–357.

——— 2007

Thomson F., A Comparison of the Contents of the Two Translations of the Symeonian Florilegium on the Basis of the Greek Original Texts, *Кирило-Методиевски студии*, 17: *Проблеми на Кирило-Методиевско дело и на българската култура през IX–X век*, 17, София, 2007, 721–758.

——— 2014

Thomson F., The Mediaeval Slav Reception of the Works of Symeon the New Theologian, *Philology Broad and Deep: In Memoriam Horace G. Lunt*, Bloomington, Indiana, 2014, 265–308.

——— 2018

Thomson F., Checklist of Slavonic Translations, *Editing Mediaeval Texts from a Different Angle: Slavonic and Multilingual Traditions. Together with Francis J. Thomson's Bibliography and Checklist of Slavonic Translations* (= *Orientalia Lovaniensia Analecta*, 276: *Bibliothèque de "Byzantion"*, 19), Leuven, Paris, Bristol, CT, 2018, 43–129.

References

- Bulanin D. M., «Katalog pamiatnikov drevnerusskoi pis'mennosti XI–XIV vv.» i entsiklopedicheskie trudy O. V. Tvorogova, *Katalog pamiatnikov drevnerusskoi pis'mennosti XI–XIV vv.: (Rukopisnye knigi)*, St. Petersburg, 2014, 915–935.
- Bulanin D. M., Drevniaia Rus', Yu. D. Levin, ed., *Schöne Literatur in russischer Übersetzung: von den Anfängen bis zum 18. Jahrhundert*, 1: *Prosa* (= Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Reihe A: Slavistische Forschungen. N. F., 13/73), St. Petersburg, Köln, Weimar, Wien, 1995, 17–73.
- Bulanin D. M., ed., *Katalog pamiatnikov drevnerusskoi pis'mennosti XI–XIV vv.: (Rukopisnye knigi)*, St. Petersburg, 2014.
- Bulanin D. M., Mify o Grigorii Tsamblake i mifoborchestvo F. Tomsona, *Russkaya Literatura*, 2, 2000, 211–216.
- Bulanin D. M., Tekstologicheskie i bibliograficheskie arabeski. 5: «Andrianty» v staršem slavianskom perevode, *Katalog pamiatnikov drevnerusskoi pis'mennosti XI–XIV vv.: (Rukopisnye knigi)*, St. Petersburg, 2014, 489–510.
- Bulanin D. M., *Traditsii i novatsii v interpretatsii russkoi pis'mennoi kul'tury pervykh vekov: Zametki k perevodu knigi S. Franklina «Pis'mennost', obshchestvo i kul'tura v Drevnei Rusi (okolo 950–1300 gg.)»*, St. Petersburg, 2010.
- Dunaev A. G., From the History of Translations of the “Chapters On Love” by St. Maximus the Confessor into Church Slavonic and Russian, *The Quarterly Journal of St. Philaret's Institute*, 38, 2021, 49–102.
- Franklin S., On the “Intellectual Silence” of Early Rus, *Russia Mediaevalis*, 10/1, 2001, 263–270.
- Marti R., Fact and Fiction: On Historiography, Historiographic Topoi, Myths and Enigmatic Readings in a hitherto Unknown Vita, *Editing Mediaeval Texts from a Different Angle: Slavonic and Multilingual Traditions. Together with Francis J. Thomson's Bibliography and Checklist of Slavonic Translations* (= Orientalia Lovaniensia Analecta, 276: Bibliothèque de “Byzantion”, 19), Leuven, Paris, Bristol, 2018, 3–18.
- Miltenov Ya., The Scholarly Contributions of Professor Francis Thomson in Light of the Methodological Concerns of Paleoslav Studies, *Starobulgarska Literatura*, 52, 2015, 11–23.
- Sels L., Francis J. Thomson (24.11.1935–21.05.2021): His Life, Work, and Legacy, *Palaeobulgarica*, 45/4, 2021, 125–136.
- Thomson F., A Comparison of the Contents of the Two Translations of the Symeon Florilegium on the Basis of the Greek Original Texts, *Problemi na Kirilo-Metodievoto delo i na bulgarskata kultura prez IX–X vek*, 17, Sofia, 2007, 721–758.
- Thomson F., A Guide to Slavonic Translations from Greek down to the End of the Fourteenth Century, *Paléographie et diplomatique slaves: Rapports et communications du séminaire de paléographie et diplomatique slaves, septembre 1979, Sofia* (= Balcanica, 3: Etudes et documents, 1), Sofia, 1980, 27–37.
- Thomson F., A Survey of the Vitae Allegedly Translated from Latin into Slavonic in Bohemia in the Tenth and Eleventh Centuries, *Atti dell'8° Congresso Internazionale di studi sull'Alto Medioevo*, Spoleto, 1983, 331–348.
- Thomson F., Checklist of Slavonic Translations, *Editing Mediaeval Texts from a Different Angle: Slavonic and Multilingual Traditions. Together with Francis J. Thomson's Bibliography and Checklist of Slavonic Translations* (= Orientalia Lovaniensia Analecta, 276: Bibliothèque de “Byzantion”, 19), Leuven, Paris, Bristol, CT, 2018, 43–129.
- Thomson F., Chrysostomica Palaeoslavica: A Preliminary Study of the Sources of the Chrysorrhoeas (Zlatostruy) Collection, *Cyrillomethodianum*, 6, 1982, 1–65.
- Thomson F., Economy: An Examination of the Various Theories of Economy Held within the Orthodox Church, with Special Reference to the Economic Recognition of the Validity of Non-Orthodox Sacraments, *Journal of Theological Studies*, N. S., 16/2, 1965, 368–420.
- Thomson F., John the Exarch's Theological Education and Proficiency in Greek as Revealed by his Abridged Translation of John of Damascus' “De fide orthodoxa”, *Palaeobulgarica*, 15/1, 1991, 35–58.
- Thomson F., The Mediaeval Slav Reception of the Works of Symeon the New Theologian, *Philology Broad and Deep: In Memoriam Horace G. Lunt*, Bloomington, Indiana, 2014, 265–308.
- Thomson F., The Nature of the Reception of Christian Byzantine Culture in Russia in the Tenth to Thirteenth Centuries and Its Implications for Russian Culture, *Slavica Gandensia*, 5, 1978, 107–139.
- Thomson F., *The Reception of Byzantine Culture in Mediaeval Russia*, Farnborough, 1999.
- Thomson F., The Works by or Ascribed to Gregory of Nyssa in the Hilandar Monastery Slavic Manuscript Collection together with a Few Remarks on the Slav Reception of Christianity, *Monastic Traditions: Selected Proceedings of the Fourth International Hilandar Conference (The Ohio State University, 14–15 August 1998)*, Bloomington, Indiana, 2003, 342–357.
- Thomson F., The Works of St. Gregory of Nazianzus in Slavonic, 2, *Symposium Nazianzenum, Louvain-la-Neuve, 25–28 août 1981: Actes du Colloque International* (= Studien zur Geschichte und Kultur des Altertums. N. F., Reihe 2: Forschungen zu Gregor von Nazianz, 2), Paderborn, München, Wien, Zürich, 1983, 119–125.

Thomson F., Towards a Typology of Errors in Slavonic Translations, *Christianity among the Slavs. The Heritage of Saints Cyril and Methodius: Acts of the International Congress held on the Eleventh Cen-*

tenary of the Death of St. Methodius. Rome, October 8–11, 1985 (= *Orientalia Christiana Analecta*, 231), Roma, 1988, 351–380.

Буланин Дмитрий Михайлович, главный научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук
199034, С.-Петербург, Набережная Макарова, 4
dmitriibulanin@yandex.ru

Received May 4, 2022